

Стейтогенез и письменность (в развитие концепции бюрократического аппарата как ключевого признака государства)

А. С. Щавелев

Аннотация: В статье развивается тезис о том, что ключевым специфическим признаком государства является наличие бюрократического аппарата и социальной группы бюрократов, т. е. «специализированных функционеров», осуществляющих управление и администрирование. Принятие этого постулата неизбежно влечет за собой вывод, что базовым условием существования государства является наличие технологии письменности как инструмента осуществления власти. Существование же письменности всегда порождает многоуровневую и многокомпонентную графосферу. Письменность может не использоваться общностью для решения задач управления, поэтому не все архаические общества с развитой письменной традицией являются государствами. Однако, поскольку письменность является необходимым условием формирования государства, следовательно, стейтогенез происходил только в обществах, владеющих этой технологией. Государство может быть определено как централизованная полития, в которой управление стратифицированным и локализованным обществом осуществляют специалисты-бюрократы с помощью технологии письменности, специальных количественных систем и перформативных текстов, воплощенных в сложную графосферу.

Ключевые слова: Политогенез, стейтогенез, письменность, государство, бюрократия

Aleksey S. Shchhavelev

Stategenesis & Writing (a Contribution to the Theory of Bureaucratic Apparatus as a Key Feature of the State)

Abstract: The article elaborates the thesis that the key specific feature of a *state* is the presence of a bureaucratic apparatus and a social group of bureaucrats, i. e. “full-time functionaries” who exercise management and administration. The acceptance of this postulate inevitably entails the conclusion that the technology of writing as an administrative tool is the main condition of the existence of a *state*. The presence of writing always gives rise to a multilevel and multicomponent graphosphere. Not all archaic societies with developed written traditions created *states*. However, writing is a prerequisite for the formation of a *state*; stategenesis took place only in societies that owned this technology. *State* can be defined as a centralized polity, in which the management of a stratified and territorial society is carried out by specialists–bureaucrats using writing technologies, special quantitative systems and performative texts embodied in a complex graphosphere.

Key words: politogenesis, state-formation, writing, state, bureaucracy

For citation: Шавелев А. С. Стейтогенез и письменность (в развитие концепции бюрократического аппарата как ключевого признака государства) // Graphosphera. 2021. Т. 1. С. 20–40. URL: <http://writing.igh.ru/index.php?id=stejtogenez-i-pismennost>

DOI:

© А. С. Шавелев, 2021.

В современной *политической антропологии* выработана универсальная схема уровней сложности общественно-политической организации архаических (домодерных) обществ: *нуклеарная семья – локальная группа* (совокупность семей) – *племя* (или любое иное сетевидное («nexus-type») объединение локальных групп) и *вождество* (разных уровней сложности) – *раннее государство – сложившееся архаическое (патримониальное) государство* (Джонсон, Эрл 2017. С. 56–64). В зависимости от разных исторических условий процессы политической интеграции *локальных общностей* (резидентных общин или групп совместного кочевания) приводят к складыванию либо *централизованных* (например, *вождество* или *государство*), либо *децентрализованных* (например, *племя* или *культовый союз*) *политий* (Lewellen 2003. Р. 16–41). Первый вариант предполагает формирование *субординированной системы уровней управления*, второй – создание *социально-коммуникативных сетевидных кластеров* (см. Табл. 1). Аналогичным образом развитие иерархических систем в социумах, *социогенез*, может идти по двум основным траекториям: происходит либо формирование обществ, основанных либо на ригидной *иерархии*

или *гомоархии* (Bondarenko 2007), либо же основанных на кластерно-сетевой *гетерархии* (Crumley 1995). Судя по всему, в истории архаичных обществ формирование *централизованных политий* – явление сравнительно более редкое, чем *кластерно-сетевая надлокальная интеграция* (Mann 1986; Scott 2017. P. 116–218). Наиболее распространенными в Древности и Средневековье типами централизованных политий являются *вождество* (Skalník 2004; Крадин 2021. С. 58–89) и *раннее государство* (Lewellen 2003. P. 59–62; Bondarenko, Korotayev 2003; Claessen, Hagesteijn, van de Velde 2008; Skalník 2009). *Сложное вождество* и *раннее государство* можно считать в определенной степени *функциональными аналогами* (Гринин, Коротаев 2019; Гринин 2019), поэтому их различие в исторических и политико-антропологических исследованиях вызывает наибольшую сложность и дискуссии. Иными словами, остается неразрешенным вопрос, как именно идентифицировать процесс *стейтогенеза*, а не просто зафиксировать процесс формирования некой централизованной политики у общества с развитой социальной иерархией и сложной социокультурной организацией.

Таблица 1. Уровни сложности и типы надлокальной политической интеграции

архаическое (патримониальное) государство		
конфедерация племен (объединение племен)	сложное вождество (объединение вождеств)	раннее государство (элита и специалисты-управленцы)
племя (децентрализованная сетевидная совокупность локальных групп)		вождество (централизованная совокупность локальных групп под властью вождя и его линиджа)
локальная резидентная группа / группа совместного кочевания (совокупность семей)		
нуклеарная семья		

На данном этапе историко-антропологических, социологических и политологических исследований основным отличием государства любого уровня развития от иных типов централизованных политий видится формирование социально-профессиональной группы *общих* и *специальных функционеров* или *специалистов-управленцев*, т. е. *бюрократии* (Крадин 2021. С. 98–101). Подробный компаративный структурно-функциональный анализ административных аппаратов в разных ранних государствах был произведен Х. Классеном (Claessen

1978), который показал, что данный элемент социально-политической организации присущ всем ранним государствам. Именно на бюрократии как основном признаке ранних государств Древности сосредоточил свое внимание К. Виттфогель, который подчеркивал, что государство по своей сути есть не просто система власти, а аппарат управления и контроля, который укомплектован профессионалами (Wittfogel 1957. P. 238–241; см. о роли его идей в историко-антропологических исследованиях: Беляев 2020). С точки зрения *интегративно-конфликтного* (диалектическое сочетание эксплуатации населения и предоставления ему менеджерских услуг со стороны элиты) подхода к теории государства (Крадин 2021. С. 96–97), бюрократия монополизировала и одновременно предоставляет услуги по *квантификации* и *стандартизации* налогов и других обменно-экономических процедур; по *кодификации* и *стандартизации судебной практики* и более широкому спектру *урегулирования социальных конфликтов*; по *триангуляции* и *стандартизации территориального деления* и *контролю внешних границ зоны обитания социума*. С точки зрения *реалистической теории государства* (Tilly 1985; Волков 2018), эти услуги по *нормализации социальных практик* и *страхованию рисков* не столько «продаются» элитой обществу, сколько навязываются с помощью *летального насилия* и *психологических (идеологических) манипуляций*. Решения элит и услуги *бюрократов* принудительно транслируются населению социальной группой *профессиональных военно-политических специалистов*. Бюрократия как социально-профессиональная группа появляется уже в *первичных государствах* (Якобсон 2012; Spencer 2014) и сохраняет все свои основные характеристики вплоть до настоящего времени (Brown 1979; Crooks, Parsons 2016; van Berkel 2018). Вслед за П. Бурдьё государство может мыслиться в качестве некоего «бюрократического поля», которое имеет территориальное и социокультурное измерения. Государственная территория в данном случае равна территориям, охваченным бюрократическими практиками *описания* и *квантификации* (Бурдьё 2005). В этом смысле знаменитая книга М. С. Восленского, направленная на деконструкцию мифологии «правлящего класса» СССР, *номенклатуры*, оказалась выдающимся вкладом в изучение «анатомии» системы управления *любого государства* (Восленский 2005). Именно институт делегирования власти от элитариев (как бы «владельцев пакета акций» власти) администраторам-исполнителям (менеджерам) позволяет *делить* и *мультиплицировать* властные ресурсы, и именно *делимость* и

мультипликация власти (властного ресурса) отличают государство от остальных типов политий (Гринин 2009. Т. 2. С. 36–44).

История бюрократии проходит как бы две стадии: первая – формирование социально-профессиональной группы «специалистов-управленцев» (Claessen 1978. P. 575–584), вторая – появление формализованных институтов бюрократической власти, т. е. «канцелярий» с формально-юридическим статусом. Предполагаем, что именно в этом заключается различие *раннего государства* и *сложившегося архаического государства*. В *раннем государстве* уже есть социально-профессиональная группа «общих и специальных функционеров», но еще нет бюрократии в узком смысле слова, которое придал ему М. Вебер, иными словами, уже есть «аппарат власти», но еще нет «бюрократической машины» (Ibid. P. 576). В сложившемся архаическом государстве бюрократическая система, основанная на инфраструктуре канцелярий, уже появляется.

Представляется, что примером такой эволюции может служить эволюция политической организации политики («империи») Рюриковичей. Первая попытка создать бюрократию предположительно была сделана князем Владимиром Святославичем на рубеже X–XI вв., но она оказалась по самым разным причинам не вполне удачной (Гимон 2020). После этого, не ранее XI в., полития династии (линиджа) Рюриковичей с центром в Киеве приобрела черты *раннего государства*. Специалисты-управленцы на Руси появились, а специализированные бюрократические канцелярии не сложились (Franklin 1985). Функционально полноценный специализированный бюрократический аппарат стал формироваться в Московском княжестве только в XIV в. (Алексеев 2019. С. 21–31). Именно с этого времени в древнерусской истории, видимо, стоит говорить о формировании *сложившегося архаического государства*.

Реализацию «общественных благ», которые производятся специалистами-управленцами и транслируются населению, равно как и осуществление контроля и эксплуатации со стороны элиты и бюрократии над этим населением, невозможно произвести без *технологий письменности* (Houston 2004; Trigger 2004). Собственно, бюрократия как таковая невозможна без письменности, с помощью которой ведется делопроизводство и создаются перформативные (законодательные и идеологические) тексты. Дж. Гуди вполне наглядно показал исключительную роль письменности в изменении траекторий социокультурной эволюции человеческих сообществ (Goody 1987). По его мнению, письменность преобразует сферу религиозных культов, сферу обмена и кредита и, наконец, сферу власти и управления. Он задается вопросом, чем политические режимы письменных обществ

отличаются от своих эквивалентов обществ бесписьменных. Ответ отказывается вполне ожидаем: если группы обладателей (носителей) традиционной и харизматической власти (элиты) в письменных и бесписьменных обществах вполне изоморфны, то условием существования административного аппарата, *resp.* бюрократии, является возможность использовать письменность для перформативной коммуникации; накопления и сохранения «файлов» классифицированной и квантифицированной информации; деперсонализации транзакций власти и, наконец, сепарации политического механизма (внутри которого элиты обладают, перераспределяют и теряют власть) и аппарата управления и контроля населения (Ibid. P. 89–90). Дж. Гуди приходит к мысли, что бесписьменные общества могли создать только «сегментарные политии» или *вождества*, поскольку технологически не могли эффективно контролировать свою периферию (Ibid. P. 110–113). На основе размышлений К. Леви-Стросса (см. обзор на эту тему: Деррида 2000. С. 241–290) была вполне прояснена роль письменных практик и способов квантификации в процедурах контроля и эксплуатации элитами *ранних государств* подчиненного им населения (Goody 1987. P. 93–99; Houston 2004. P. 8–10; Scott 2017. P. 139–149).

Конечно, не все общности, которые обладают собственной или заимствованной письменностью, сформировали *государства* и даже *централизованные политии*. Вполне очевидно существование в истории обществ, обладающих письменностью, но не имеющих институтов государства и бюрократии. Не меньше случаев, когда письменность появляется в обществе до (иногда – очень задолго) формирования даже зачаточных государственных институтов (Trigger 2004. P. 46–61). Не является письменность и неотъемлемым признаком сложного общества («цивилизации»): сравнительно-историческое исследование Б. Триггера семи первичных цивилизаций («pristine civilizations») показывает, что, например, в цивилизации народа йоруба середины XVIII – конца XIX в. в Западной Африке письменности не было (Trigger 2001. P. 584–625), хотя само по себе примечательно, что в выборке первичных цивилизаций Б. Триггера это – единственное исключение. Сам Б. Триггер подчеркивает, что в соседней с йоруба Дагомее была своя квантитативная система (Ibid. P. 595). Кросс-культурный анализ Н. Н. Крадина показывает, что *наличие письменности не коррелирует с многоуровневой социальной стратификацией и с политической централизацией («интеграцией»)*, т. е. письменность и сложность общества между собой не связаны жесткой казуальной связью (Крадин 2016). Однако анализ Н. Н. Крадина показал, что, если в той или иной

общности имеется письменность, то можно с определенной степенью вероятности предполагать, что оно будет обладать развитой социальной стратификацией и политической централизацией или будет развиваться именно в направлении развития институтов центральной власти и многоуровневой стратификации (Крадин 2016. С. 150). Отметим, однако, что, поскольку политическая централизация и социальная сложность могут быть разнотипными и возникать и без формирования государственных институтов, количественный анализ не слишком подходит для идентификации признаков именно *государства*. Можно констатировать, что письменность является *обязательным* (необходимым), но *недостаточным* условием формирования государства. Тем не менее там, где государства все-таки возникают, интенсификация использования письменности и наращивание практик государственного управления находятся, видимо, в автокаталитической связи: они взаимно стимулируют друг друга. Письменная традиция является одним из самых вероятных факторов успешной реанимации государственных систем после критических катастроф и распадов (Scott 2017). Вполне понятно, что социальная группа функционеров-бюрократов, использующих письменность для практики управления, является *диагностическим*, а не *абсолютным* признаком такого сложного феномена как государства.

С точки зрения гипотезы о прямой корреляции наличия *технологии письма* и формирования *государственного аппарата*, вроде бы аномалией является империя инков, Тауантинсуйу, XIII–XVI вв. Это – хрестоматийное *архаическое государство* (Lewellen 2003. P. 38–39; Джонсон, Эрл 2017. С. 429–447). В нем есть социально-профессиональная группа специалистов-бюрократов – *кипукамайюков* (Given-Wilson 2016). Однако у инков не было «настоящей письменности». Вместо этого использовалась мнемоническая комбинаторно-счетная система – *кипу* (Urton 2003). Вполне очевидно, что при создании государственной структуры империи Тауантинсуйу по культурно-историческим причинам письменность оказалась замещена *функциональным эквивалентом*. Добавим, что многие типы письма (например, *пиктографическое* и *алфавитное*) с точки зрения эволюционной грамматики (Trigger 2004) столь же далеки друг от друга по своей внутренней логике, как они далеки от комбинаторных принципов кипу. Такие мнемонические системы, как, например, наборы счетных фишек (Schmandt-Besserat 1992), являются эволюционными предшественниками (даже «предками») письменности и могут развиваться в достаточно сложные форматы хранения информации.

Аномалия архаического государства инков лишь подтверждает общее правило: государственная бюрократия может функционировать только с помощью *стандартизированной знаковой системы фиксации информации на материальных носителях*, как правило, *письменности* или, гораздо реже, ее *аналога*. Поиск и описание других аномальных случаев – задача отдельного сравнительно-исторического исследования. Пока эти данные не собраны, единичный случай замещения письменности аналогичной системой в одном государстве инков остается исключением, которое подтверждает правило и, на наш взгляд, не подрывает гипотезу о письменных практиках как обязательной основе технологии управления государством. Конечно, в перспективе для дальнейшей верификации наших рассуждений стоит поискать достоверные случаи, когда бюрократия раннего государства функционирует с помощью смешанных устных и/или предметных мнемонических систем фиксации информации. Если такие примеры найдутся, то придется искать иные маркеры идентификации государства.

В связи с гипотезой о бюрократии, использующей письменность, как о ключевом отличительном признаке государства, возникает еще одна теоретическая проблема. Это – проблема существования в истории *функциональных аналогов государства* у обществ, владеющих письменностью (Гринин, Коротаев 2019; Гринин 2019). Попытки найти в истории человечества функциональные аналоги *вожеств* и *ранних государств* были очень важной методологической новацией, но они, как нам представляется, дали весьма специфический результат. В итоге этих поисков альтернативными формами *среднемасштабных и крупномасштабных централизованных политий* могут быть признаны только различные *децентрализованные сетевидно-кластерные социально-коммуникативные объединения* (конфедерации или ассоциации) *локальных общностей* (кровно-родственных, культурно-языковых, экономико-обменных, культово-религиозных и др.). Этот тип или, скорее, *направление эволюции надлокальной интеграции* демонстрирует исключительную вариабельность и пока, кажется, с трудом поддается типологизации. Еще часть аналогов *вожеств* и *ранних государств* можно отнести к *вторично-имитационным политиям*, созданными разного рода лидерами *маргинально-преступных социальных групп* и *обитателей фронтальных зон*, но они как бы «пародируют» «нормальные» *вождеские* или *государственные* структуры, а не создают какие-то особые формы власти и практики управления. Добавим, что поиски *аналогов государства*, как нам кажется, всё чаще «упираются» в логический парадокс «кучи песка»: сколько именно

песчинок нужно, чтобы образовалась «куча», и сколько нужно песчинок убрать, чтобы куча перестала быть таковой и исчезла? Государство как некий «концентрат власти» вполне подходит под категорию объемно-неопределенного понятия, которое не поддается классификации только на основе количественных критериев. Выделение бесконечного числа «аналоговых» типов политий на основе небольших отличий делает бессмысленной историко-антропологическую типологию как таковую. Гораздо проще в таком случае принять логику постмодернистов (пост-процессуалистов) и рассматривать каждую политию в качестве уникального явления истории (Yoffe 2005).

На наш взгляд, функциональными аналогами *раннего государства* могут считаться *сложное вожжество* и *конфедерация племен*, но у *сложившегося архаического государства* структурно-функционального эквивалента пока в мировой истории не обнаруживается.

Коротко рассмотрим три вида политий, которые чаще всего фигурируют в качестве аналогов *ранних государств* и у жителей которых были развитые традиции письма. Это – *древнегреческий полис* (равно как и другие города-политии Средиземноморья, прежде всего Римская республика), так называемое «*исландское сообщество*» («Icelandic commonwealth») X–XIII вв. и «*акефальное государство*» номадов.

Попытка М. Берента доказать, что древнегреческие полисы (равно как и другие античные средиземноморские города-политии и их ассоциации) были «безгосударственными» сложными политическими организмами (Berent 2000; 2005), убедительно опровергнута как не соответствующая фактическим данным (Hansen 2002; van der Vliet 2005; 2008; Медведев 2006). Самые развитые и мощные в военно-политическом аспекте политии древнегреческой ойкумены вполне вписываются в классификационные характеристики *раннего* и *сложившегося архаического государства* с действующим функциональным бюрократическим аппаратом и механизмами принуждения к выполнению его решений (Hansen 2002). Тот факт, что занимать (и периодически терять) должности в аппарате законодательной и исполнительной власти потенциально могли все граждане полиса, не делает полис в меньшей степени государством, чем современные национальные государства, где политические статусы и бюрократические должности тоже в норме не присваиваются навсегда. Наличие бюрократического аппарата и институализированных механизмов принуждения в крупных политиях-государствах Средиземноморья и Причерноморья вполне

доказано. Таким образом, пример древнегреческих и древнеримской политий как раз очень хорошо вписывается в гипотезу о корреляции развитых письменных практик в самых разных сферах, включая бюрократический учет и контроль, и существования государства под управлением специалистов-бюрократов, которые набирались из числа полноправных граждан.

Общество средневековых исландцев X–XIII вв. периодически приводится как пример сложной политики, аналогичной по масштабу и функциям *раннему государству* (Гринин 2009; 2019). Исландцы в период после крещения (около 1000 года) обладали вполне развитой письменной традицией, они использовали письменный латинский язык и письменный древнеисландский язык в двух вариантах алфавита – руническом и адаптированном латинском (Джаксон 2010; Мельникова 2019). Однако, вопреки историографическим стереотипам, исландское сообщество было типичной сетью нуклеарных семей и локальных групп, в которых шел типичный процесс выделения сначала местных *бигменов*, а в XII в. – *вождей* (Carter 2015. P. 1–27, 304–329; Jón Viðar Sigurðsson 1995; 1999; 2007; Sverrir Jakobsson 2009; 2012; 2013). К началу XIII в. у исландцев формируется иерархия: зависимые люди, бонды, «больше бонды», годи и «супер-элита» – «большие годи» (Jón Viðar Sigurðsson 1999; Буокк 2001. P. 13–14, 341–351), что оптимально соответствует «тихоокеанской иерархии» М. Салинза: «бедняк», «богач», «большой человек» и «вождь» (Sahlins 1963; Carter 2015. P. 30–38). В XI – первой четверти XIII в. Исландия была поделена на формирующиеся *простые вождества* («small states of chieftains»: Jón Viðar Sigurðsson 1995. P. 154, 161, 164; 1999. P. 62–70, 205–220), а в финале периода исландской независимости, продлившегося до 1262–1264 гг., уже шла борьба за статус «конунга Исландии», т. е. «верховного вождя» («paramount chief»: Andersson 1999). При этом тема «конунга Исландии» впервые появляется в исландской литературе около 1200 г. в описании событий времен конунга Норвегии Харальда Сигурдарсона Сурового Правителя, т. е. периода между 1046 и 1066 гг. (Ibid. P. 923–925). Это говорит о том, что наращивание власти вождей было реальностью исландского общества и сдерживалось исландскими аборигенами искусственно и не слишком эффективно. У каждого вождя (хёвдинга) был свой кластер родственников, свой центр власти, своя территория политического контроля, а часто и свой боевой отряд, члены которого занимались принуждением к выполнению решений своего лидера. Исландский вариант политогенеза демонстрирует типичный путь, «как вожди приходят к власти» (Earle 1997). Статус и функции исландских годи и других хёвдингов были вполне сопоставимы со статусом и

функциями ярлов Оркнейских островов и конунгов Норвегии (Jón Viðar Sigurðsson 1999. P. 84–204; 2007). Вполне обоснована гипотеза Т. Картер о том, что в Исландии шел процесс *вторичного политогенеза* под внешним влиянием Норвегии и отчасти европейских политий викингов на Британских островах и в континентальной Европе (Carter 2015). Процесс трансформации системы политической коммуникации шел от *вторичного племени* (сети взаимодействия нуклеарных семей и их объединений – общин-хреппов), сформированного из групп переселенцев, к вождествам под руководством годи и других разбогатевших и набравших авторитет жителей острова, а затем потенциально – к сложному вождеству «конунга Исландии». Однако на формирование *сложного вождества* здесь не хватило и ресурсов (уровня прибавочного продукта), и исторического времени. Вождества «больших годи» и их семей дезинтегрировались, а не развивались, но это означает, что в Исландии вождество оказалось «несостоявшимся» («*manqué-chiefdom*»), и совсем не означает, что на острове сложился некий уникально-альтернативный тип политики. Следует отметить, что степень территориализации власти (появления политических центров и устойчивых территорий под контролем их хозяев) является предметом дискуссий. С одной стороны, есть основания видеть тенденцию к консолидации территориальных владений вождей-хёвдингов (Jón Viðar Sigurðsson 1999; 2008. P. 573–574), с другой – виден и противоположный процесс: «фрагментация» владений и несоответствие территориальному принципу политических и патрон-клиентских связей (Sverrir Jakobsson 2012). Однако, вне зависимости от того, какой вариант ближе к истине, вопрос заключается лишь в том, насколько социум исландцев продвинулся по траектории складывания вождеств.

Все те механизмы урегулирования конфликтных ситуаций и нахождения консенсуса между группами исландцев по спорным вопросам (например, по вопросу, принимать ли христианство: Orri Vésteinsson 2000. P. 17–57, 238–246), которые описываются в качестве исландской социально-политической специфики, на самом деле вполне типичны для любой децентрализованной кластерно-сетевидной надлокальной политической организации (Jón Viðar Sigurðsson 2008). В Исландии они просто оказались лучше зафиксированы в средневековых письменных источниках, что и создает иллюзию уникальной ситуации. Однако нельзя не заметить, что образ особой «демократической» и «переговорно-правовой» политической традиции Исландии X–XII вв. строится на ретроспективных законодательных и саговых нарративах XIII–XIV вв. (Jón Viðar Sigurðsson 1999. P. 17–38) и в определенной степени является

историографическим конструктом, на котором основывалась идентичность исландцев, потерявших независимость и «былую свободу». Реальные данные об устройстве политических отношений в Исландии с трудом отделяются от поздних представлений, порожденных типичным коллективным ресентиментом периода потери независимости – времени господства Норвегии.

Исландская полития не была и не могла быть аналогом раннего государства ни по своему масштабу, ни по степени дивергенции уровней социальной иерархии, ни по уровню сложности политических институтов. В лучшем случае это была сетевидно-кластерная структура («nexus-type structure») политической коммуникации X–XII вв., которая может быть сопоставлена по своим функциям с *вождеством*, причем эта децентрализованная система коммуникации постепенно перерождалась именно в совокупность нескольких вождеств. Добавим, что в раннесредневековой Исландии не сформировалось никакой административно-бюрократической системы. Элитарная социальная группа *годи*, монополизировавшая общеисландскую коммуникативно-правовую «тинговую» систему, исполняла свои функции на основе устно-мнемонической традиции и, возможно, ограниченного числа «кодексов», в которых фиксировались правовые прецеденты.

Точно так же не прошла тест на соответствие эмпирическим данным гипотеза Д. Снита об «акефальных государствах» – сложных политических организациях *номадов степного пояса Евразии* (Sneath 2007). У многих кочевых народов Евразии, прежде всего у тюрков (Тишин 2019) и монголов (Храпачевский 2019), была в обиходе развитая письменность, но появление государств у *номадов* происходило относительно редко и в специфических условиях контактов с оседлым населением (Крадин 2020. С. 63–80; 2021. С. 252–273). Надлокальная политическая организация кочевников обычно была либо *племенем* (*конфедерацией племен*), либо *вождеством* (*сложным* или *супер-сложным*) (Крадин 2020). Вообще же, изобретение терминов-оксюморонов («акефальное государство», «потестарное государство», «племенное государство», «варварское государство» и т. д.) либо желание любыми средствами сохранить за некой политией «престижный» статус *государства*, либо нежелание размышлять над историко-теоретическими проблемами, пользуясь устаревшими концепциями и архаичными терминами, потерявшими уже научную четкость, либо же, как в случае Д. Снита, стремление найти некий уникальный, не подпадающий под стандартные историко-политологические классификации феномен. Критика Д. Снитом постоянного

использования в историографии примитивной дихотомии «*государство vs племя*», в рамках которой классифицируются все возможные типы политического устройства, была преодолена именно с помощью им отвергаемого неэволюционистского подхода, выработанного на основе разработок сравнительной истории и политической антропологии (см. выше). Логика и система аргументов критики Д. Снитом принятых для анализа политических систем номадов концептов (клан, племя, вожжество и др.) фактически является очередным изводом «антиколониального» разоблачения «дискурса ориентализма» в стиле Э. В. Саида (Said 1979). Как и в случае со средиземноморскими городами-политиями и децентрализованной политией исландцев, политии номадов вполне типичны для «варварского мира» Евразии и мало отличаются по своей политической организации от политий «варварских» народов с иными хозяйственно-культурными типами (Modzelewski 2015).

Таким образом, из трех рассмотренных примеров, предлагавшихся на роль аналога *раннего государства*, в первом случае (полис) мы имеем дело всё-таки с *ранним* или даже уже *сложившимся архаичным государством*, а в двух оставшихся – с обществами, в которых письмо было, но оно не использовалось в политическом управлении. И эти общества, исландское и номадические, не имели признаков государства.

В практическом плане историко-археологических исследований признание предлагаемой нами казуальной зависимости формирования государственных институтов от наличия в обществе технологии письма ставит вопрос о том, что *государствами* могут быть только политии, в которых есть развитая *графосфера* или «*графическая среда*». Хотя, еще раз подчеркнем, что есть достаточно примеров, когда развитая графосфера создается народами, у которых государственность заведомо отсутствует (Williams 2004).

Концепт *графосфера* («*graphosphere*») недавно введен в историографию С. Франклином (Франклин 2020). Графосфера – один из видов *семиосферы* (Лотман 1996), которая включает в себя все виды надписей, нанесенных на любые материальные носители, как предназначенные для того, чтобы на них писать, так и нет. Любая политическая система формирует некую семиотическую оболочку, но именно государство формирует не просто систему знаков, манифестирующих власть (эмблематику власти), но и *порождает надписи, манифестирующие власть и политические акты*. С. Франклин разделяет графосферу (или «*графическую среду*») на три разряда: первый – «предметы, которые были созданы специально для того, чтобы

служить носителями письменного сообщения»; второй – «когда письменное сообщение входит в процесс производства какого-то предмета, но не является его главным назначением; это предметы, уже созданные с письменным сообщением, но не обязательно предназначенные для этого сообщения», и третий – предметы, изначально совершенно не предназначенные для нанесения на них текстов, но несущие некую вторичную надпись (Франклин 2010. С. 50–51).

Конечно, нельзя прямолинейно сопоставлять «плотность» и разнообразие графосферы и степень развития государственного аппарата и сопутствующих институтов. Зачастую сложную графосферу может продуцировать общество без развитых государственных или даже развитых политических институтов. Однако отсутствие или бедность графосферы автоматически заставляет подозревать и структурно-функциональную простоту (чтобы не сказать – примитивность и недоразвитость) политической системы.

Возвращаясь к перечисленным выше политическим системам, которые рассматривались в качестве альтернатив раннему государству, мы видим специфику трех разных графосфер. Средиземноморские полисы, которые в своем большинстве были *ранними и сложившимися архаическими государствами*, оставили богатейшую и сложно-структурированную графосферу. *Вторично-племенная с элементами формирующихся структур простых вождеств* организация исландцев, несмотря на развитую традицию устной литературы и правовой риторики, оставила очень бедную фактически одноуровневую (только рукописи и минимум эпиграфики) графосферу. Графосферы *племенных конфедераций* и *сложных вождеств* номадов Евразии также оставили достаточно ограниченное число письменных памятников разных типов, однако в тех случаях, когда полития номадов эволюционировала в сторону *раннего государства* (яркий пример – империя Чингисидов), графосфера тоже начинала «уплотняться» и усложняться (Храпачевский 2019; Крадин 2021. С. 252–269).

Исходя из вышеизложенного, мы предлагаем следующее определение *сложившегося архаического государства: централизованная полития*, в которой управление сложным обществом с выраженной социальной иерархией и четкой территориальной локализацией (Гринин 2009) осуществляют *специалисты-бюрократы* с помощью *технологии письменности, специальных количественных систем и перформативных текстов*, воплощенных в многоуровневую и многокомпонентную *графосферу*. Все перечисленные компоненты должны присутствовать в политической системе, которая определяется в качестве *раннего государства*, но в ней они могут быть

выражены слабее или могут быть заменены некими функциональными эквивалентами. Скорее всего, главным отличием *раннего государства* от *сложившегося архаического государства* является замедленность формирования социально-профессиональной группы специалистов-бюрократов и (или) исполнение их функций общими специалистами более широкого профиля.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Алексеев Ю. Г.* Государство и право в эпоху формирования Российского государства (XIV–XV вв.) / Ред., вступ. статья К. В. Петрова, Н. В. Штыкова и С. В. Стрельникова. СПб.: Изд. О. Абышко, 2019. 798 с. [*Alekseyev Yu. G.* Gosudarstvo i pravo v epokhu formirovaniya Rossiyskogo gosudarstva (XIV–XV vv.) (State and Law in the Period of the Formation of Russian State, c. 14th–15th) / Red., vstup. stat'ya K. V. Petrova, N. V. Shtykova i S. V. Strel'nikova. St-Petersburg: Izd. O. Abyshko, 2019. 798 s.]
- Беляев Д. Д.* Карл Витфогель и формирование концепции гидравлического государства в Мезоамерике // Вестник Рос. гос. гуманит. ун-та. Сер.: Политология, история, международные отношения. 2020. № 4 (2). С. 144–155. [*Belyayev D. D.* Karl Vitfogel' i formirovaniye kontseptsii gidravlicheskogo gosudarstva v Mezoamerike (Karl Wittfogel and the formation of the concept of “Hydraulic State”) // Vestnik Ros. gos. humanit. un-ta. Ser.: Politologiya, istoriya, mezhdunarodnyye otnosheniya. 2020. № 4 (2). S. 144–155.]
- Бурдые П.* Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // *Бурдые П.* Социология социального пространства / Пер. с франц. Н. А. Шматко. М.; СПб.: Алетейя, 2005. С. 220–254. [*Burd'ye P.* Dukh gosudarstva: genезis i struktura byurokraticheskogo polya (The State Spirit: The Genesis and Structure of Bureaucratic Field) // *Burd'ye P.* Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva / Per. s frants. N. A. Shmatko. Moscow; St-Petersburg: Aleteyua, 2005. S. 220–254.]
- Волков В.* Государство. Цена порядка / Азбука понятий. СПб.: Изд. ЕУ СПб., 2018. Вып. 6. 160 с. [*Volkov V.* Gosudarstvo. Tsena poryadka (The State. The Price of Order) / Azbuka ponyat'iy. St-Petersburg: Izd. YEU SPb., 2018. Vyp. 6. 160 s.]
- Восленский М. С.* Номенклатура. Господствующий класс советского союза. М.: Захаров, 2005. 640 с. [*Voslenskiy M. S.* Nomenklatura. Gospodstvuyushchiy klass sovetskogo soyuza (Nomenclatura. The Ruling Class of Soviet Union). Moscow: Zakharov, 2005. 640 s.]
- Гимон Т. В.* У истоков древнерусского повседневно-практического письма // Новгородский исторический сборник. 2020. Вып. 19 (29). С. 118–135. [*Guimon T. V.* U istokov drevnerusskogo povsednevno-prakticheskogo pis'ma (At the Origins of Old Russian Everyday Practical Writing) // Novgorodskiy istoricheskiy sbornik. 2020. Vyp. 19 (29). S. 118–135.]

- Гринин Л. Е.* Государство и исторический процесс. М.: URSS, 2009. Т. 1: Эпоха формирования государства. Общий контекст социальной эволюции при образовании государства; Т. 2: Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому; Т. 3: Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса. 364, 363, 258 с. [*Grinin L. Ye.* Gosudarstvo i istoricheskiy protsess (The State and Historical Process). Moscow: URSS, 2009. T. 1: Epokha formirovaniya gosudarstva. Obshchiy kontekst sotsial'noy evolyutsii pri obrazovanii gosudarstva; T. 2: Evolyutsiya gosudarstvennosti: ot rannego gosudarstva k zreloму; T. 3: Gosudarstvo i istoricheskiy protsess. Politicheskiy srez istoricheskogo protsessa. 364, 363, 258 s.]
- Гринин Л. Е.* Проблемы формирования ранних государств и политических институтов. Ранние государства и их аналоги // Политогенез и историческая динамика политических институтов: от локальной потестарности к глобальной мир-системе: коллективная монография / Под ред. Л. Е. Гринина. М.: Учитель, 2019. С. 119–141. [*Grinin L. Ye.* Problemy formirovaniya rannikh gosudarstv i politicheskikh institutov. Ranniye gosudarstva i ikh analogi (Problems of Formation of Early States and Political Institutions. Early States & Their Analogies) // Politogenez i istoricheskaya dinamika politicheskikh institutov: ot lokal'noy potestarnosti k global'noy mir-sisteme: kollektivnaya monografiya / Pod red. L. Ye. Grinina. Moscow: Uchitel', 2019. S. 119–141.]
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В.* Вождества и другие среднесложные политии (аналоги) и их социально-политические институты // Политогенез и историческая динамика политических институтов: от локальной потестарности к глобальной мир-системе: коллективная монография / Под ред. Л. Е. Гринина. М.: Учитель, 2019. С. 93–118. [*Grinin L. Ye., Korotayev A. V.* Vozhdestva i drugiye sredneslozhnyye politii (analogi) i ikh sotsial'no-politicheskiye instituty (Chieftdoms and Other Mid-Complicated Polities (Analogies)) // Politogenez i istoricheskaya dinamika politicheskikh institutov: ot lokal'noy potestarnosti k global'noy mir-sisteme: kollektivnaya monografiya / Pod red. L. Ye. Grinina. Moscow: Uchitel', 2019. S. 93–118.]
- Деррида Ж.* О грамматологии / Пер. с франц. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 511 с. [*Derrida Zh.* O grammatologii (About Grammatology) / Per. s frants. N. Avtonomovoy. Moscow: Ad Marginem, 2000. 511 s.]
- Джаксон Т. Н.* Древняя Русь и Исландия: школы и центры учености в первые века христианства // Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков (исследования и переводы) / Сост. и ред. М. С. Петрова. М.: Кругъ, 2010. С. 302–322. [*Jackson T. N.* Drevnyaya Rus' i Islandiya: shkoly i tsentry uchenosti v pervyye veka khristianstva (Old Rus' and Iceland: Schools and Centers of Learning in the Early Ages of Christianity) // Intellektual'nyye traditsii Antichnosti i Srednikh vekov (issledovaniya i perevody) / Sost. i red. M. S. Petrova. Moscow: Krug", 2010. S. 302–322.]
- Джонсон А., Эрл Т.* Эволюция человеческих обществ. От добывающей общины к аграрному государству / Пер. с англ. И. В. Кузнецова и Е. Веремеевой / Под науч. ред. О. Масловой-Вальтер и М. Маяцкого.

- М.: Институт Гайдара, 2017. 548 с. [Jonson A., Erl T. Evolyutsiya chelovecheskikh obshchestv. Ot dobyvayushchey obshchiny k agrarnomu gosudarstvu (The Evolution of Human Societies. From Foraging Group to Archaic State) / Per. s angl. I. V. Kuznetsova i Ye. Veremeyevoy / Nauch. red. O. Maslova-Val'ter i M. Mayatskiy. Moscow: Institut Gaydara, 2017. 548 s.]
- Крадин Н. Н.* Кочевники и всемирная история. СПб.: Изд. О. Абышко, 2021. 411 с. [Kradin N. N. Kochevniki i vseмирnaya istoriya (Nomads and World History). St-Petersburg: Izd. O. Abyshko, 2021. 411 s.]
- Крадин Н. Н.* Происхождение неравенства, цивилизации и государства. СПб.: Изд. О. Абышко, 2021. 335 с. [Kradin N. N. Proiskhozhdeniye neravenstva, tsivilizatsii i gosudarstva. (The Emergence of Inequality, Civilization & State). St-Petersburg: Izd. O. Abyshko, 2021. 335 s.]
- Крадин Н. Н.* Является ли письменность критерием государства // Восточная Европа в Древности и Средневековье. М.: ИВИ РАН, 2016. [Вып.] XVII: Письменность как элемент государственной инфраструктуры. С. 142–151. [Kradin N. N. Yavlyayetsya li pis'mennost' kriteriyem gosudarstva (Is Writing a Criteria of State?) // Vostichnaya Evropa v Drevnosti i Srednevekov'e. Moscow: IVI RAN, 2016. [Vol.] XVII: Pis'mennost' kak element gosudarstvennoy infrastruktury. S. 142–151.]
- Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки славянской культуры, 1996. 447 с. [Lotman Yu. M. Vnutri myslyashchikh mirov (Into Cogitative Worlds). Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury, 1996. 447 s.]
- Медведев А. П.* Был ли греческий полис государством? // Античный мир и археология. 2006. № 12. С. 17–32. [Medvedev A. P. Byl li grecheskiy polis gosudarstvom? (Was Greek Polis a State?) // Antichnyy mir i arkheologiya. 2006. № 12. S. 17–32.]
- Мельникова Е. А.* Руническая письменность на периферии скандинавского мира. Ч. I: Острова Северной Атлантики // Древнейшие государства Восточной Европы. 2017–2018 годы: Ранние формы и функции письма / Отв. ред. тома Т. В. Гимон. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2019. С. 140–168. [Melnikova E. A. Runicheskaya pis'mennost' na periferii skandinavskogo mira (Runic Writing in the Periphery of the Scandinavian World). Ch. I: Ostrova Severnoy Atlantiki // Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2017–2018 gody: Ranniye formy i funktsii pis'ma / Otv. red. T. V. Guimon. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2019. S. 140–168.]
- Тышин В. В.* Социально-политический контекст возникновения древнетюркской рунической письменности // Древнейшие государства Восточной Европы. 2017–2018 годы: Ранние формы и функции письма / Отв. ред. тома Т. В. Гимон. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2019. С. 104–127. [Tishin V. V. Sotsial'no-politicheskiy kontekst vzniknoveniya drevnetyurkskoy runicheskoy pis'mennosti (A Socio-Political Background of the Origin of Old Turkic Runic Writing) // Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2017–2018 gody: Ranniye formy i funktsii pis'ma / Otv. red. T. V. Guimon. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2019. S. 104–127.]

- Франклин С.* Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950–1300 гг.) / Пер. Д. М. Буланина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. 552 с. [*Franklin S. Pis'mennost', obshchestvo i kul'tura v Drevney Rusi (okolo 950–1300 gg.) (Writing, Society and Culture in Early Rus, c. 950–1300) / Per. D. M. Bulanina. St-Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2010. 552 s.*]
- Франклин С.* Русская графосфера 1450–1850. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 567 с. [*Franklin S. Russkaya grafosfera 1450–1850. (The Russian graphosphere, 1450–1850). St-Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2020. 567 s.*]
- Храпачевский Р. П.* Монгольская письменность как государствообразующий фактор державы Чингисхана // Древнейшие государства Восточной Европы. 2017–2018 годы: Ранние формы и функции письма / Отв. ред. тома Т. В. Гимон. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2019. С. 128–140. [*Khrapachevskiy R. P. Mongol'skaya pis'mennost' kak gosudarstvoobrazuyushchiy faktor derzhavy Chingiskhana (The Mongolian Writing as a State-Forming Factor for the Polity of Genghis Khan and His Successors) // Drevneishie Gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2017–2018 gody: Ranniye formy i funktsii pis'ma / Otv. red. T. V. Guimon. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2019. S. 128–140.*]
- Якобсон В. А.* Введение в историю бюрократии // Вестник древней истории. 2012. № 1 (280). С. 81–125. [*Yakobson V. A. Vvedeniye v istoriyu byurokratii (An Introduction to the History of Bureaucracy) // Vestnik drevnei istorii. 2012. № 1 (280). S. 81–125.*]
- Andersson T. M.* The King of Iceland // *Speculum*. 1999. Vol. 74. № 4. P. 923–934.
- Berent M.* The Stateless Polis: A Reply to Critics // *Social Evolution & History*. 2006. Vol. 5. № 1. P. 140–162.
- Berent M.* The Stateless Polis: The Early State and the Ancient Greek Community // *Alternatives of Social Evolution*. Vladivostok: FEB RAS, 2000. P. 353–376.
- Berkel M. van.* The People of the Pen: Self-Perceptions of Status and Role in the Administration of Empires and Polities // *Prince, Pen, and Sword. Eurasian Perspectives / Ed. by M. van Berkel & J. Duindam. Leiden; Boston: Brill, 2018. P. 384–451.*
- Bondarenko D. M.* Homoarchy as a Principle of Sociopolitical Organization. An Introduction // *Anthropos*. 2007. Bd. 102. H. 1. P. 187–199.
- Bondarenko D. M., Korotayev A. V.* “Early State” in Cross-Cultural Perspective: A Statistical Reanalysis of H. J. M. Claessen’ Database // *The Journal of Comparative Social Science*. 2003. Vol. 37 (1). P. 104–132.
- Brown R. P.* Bureaucracy: The Utility of a Concept // *Bureaucracy. The Career of Concept / Ed. by E. Kamenka & M. Krygier. New York: St Martin's Press, 1979. P. 135–155.*
- Byock J. L.* Viking Age Iceland. London; New York: Penguin Books, 2001. 448 p.

- Carter T.* Iceland's Networked Society: Revealing How the Global Affairs of the Viking Age Created New Forms of Social Complexity / The Northern world. Vol. 69. Leiden; Boston: Brill, 2015. 368 p.
- Claessen H. J. M.* The Early State: A Structural Approach // The Early State / Ed. by H. J. M. Claessen & P. Skalník. Hague; Paris; New York: Mouton, 1978. (Studies in Social Sciences. Vol. 32). P. 533–596.
- Claessen H. J. M., Hagesteijn R. R., van de Velde P.* Early State Today // Social Evolution & History 2008. Vol. 7. № 1. P. 245–265.
- Crooks P., Parsons T. H.* Empires, Bureaucracy and the Paradox of Power // Empires and Bureaucracy in World History. From Late Antiquity to the Twentieth Century / Ed by P. Crooks & T. H. Parsons. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 3–28.
- Crumley C. L.* Heterarchy and the Analysis of Complex Societies // Archeological Papers of the American Anthropological Association. 1995. № 6. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies. P. 1–5.
- Earle T.* How Chiefs Come to Power. The Political Economy in Prehistory. Stanford: Stanford University Press, 1997. 250 p.
- Franklin S.* Literacy and Documentation in Early Medieval Russia // Speculum. 1985. Vol. 60 (1). P. 1–38.
- Given-Wilson Ch.* Bureaucracy without Alphabetic Writing: Governing the Inca Empire, c. 1438–1532 // Empires and Bureaucracy in World History. From Late Antiquity to the Twentieth Century / Ed by P. Crooks & T. H. Parsons. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 81–101.
- Goody J.* The Logic of Writing and the Organization of Society. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 213 p.
- Hansen M. H.* Was the Polis a Stateless Society // Even More Studies in the Ancient Greek Polis Centre (Papers from the Copenhagen Polis Centre. № 6). Stuttgart: F. Steiner, 2002. S. 17–47.
- Houston S. D.* Overture to the First Writing // The First Writing. Script Invention as History & Process / Ed. by S. D. Houston. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 3–15.
- Jón Viðar Sigurðsson.* Chieftains and Power in the Icelandic Commonwealth / Transl. by J. Lundskær-Nielsen. Odense: Odense University Press, 1999. 255 p.
- Jón Viðar Sigurðsson.* The Appearance and Personal Abilities of Goðar, Jarlar, and Konungar. Iceland, Orkney and Norway // West over Sea. Studies in Scandinavian Sea-Borne Expansion and Settlement Before 1300 / Ed. by B. B. Smith. Leiden: Brill, 2007. (The Northern World. Vol. 31). P. 95–109.
- Jón Viðar Sigurðsson.* The Icelandic Aristocracy after the Fall of Free State // Scandinavian Journal of History. 1995. № 20 (3). P. 153–166.

- Jón Viðar Sigurðsson*. Iceland // The Viking World / Ed. by S. Brink & N. Price. London; New York: Routledge, 2008. P. 571–578.
- Lewellen T. C.* Political Anthropology. An Introduction. London: Praeger, 2003. 262 p.
- Mann M.* The Sources of Social Power. Vol. I. A History of Power from the Beginning to A. D. 1760. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 549 p.
- Modzelewski K.* Barbarian Europe / Transl. by E. Macura, ed. by E. Rozbicka. Frankfurt-am-Main; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Warszawa; Wien: Peter Lang, 2015.
- Orri Vésteinsson*. The Christianization of Iceland. Priests, Power, & Social Change, 1000–1300. Oxford: Oxford University Press, 2000. 318 p.
- Sahlins M.* Poor Man, Rich Man, Big-Man, Chief: Political Types in Melanesia and Polynesia // Comparative Studies in Society and History. 1963. Vol. 5 (3). P. 285–303.
- Said E. W.* Orientalism. New York: Vintage Books, 1979. 368 p.
- Schmandt-Besserat D.* Before Writing. Vol. I. From Counting to Cuneiform. Austin: University of Texas Press, 1992. 283 p.
- Scott J. C.* Against the Grain. A Deep History of the Earliest States. New Haven; London: Yale University Press, 2017. 300 p.
- Skalník P.* Chieftdom: An Universal Political Formation // Focaal – European Journal of Anthropology. 2004. № 43. P. 77–98.
- Skalník P.* Early State Concept in Anthropological Theory // Social Evolution & History. 2009. № 8 (1). P. 5–24.
- Sneath D.* The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, and Misrepresentation of Nomadic Inner Asia. New York: Columbia University Press, 2000. 273 p.
- Spencer Ch. S.* Modeling the Evolution of Bureaucracy: Political-Economic Reach and Administrative Complexity // Social Evolution & History. 2014. Vol. 13. № 1. P. 42–66.
- Sverrir Jakobsson*. From Reciprocity to Manorialism. On the Peasant Mode of Production in Medieval Iceland // Scandinavian Journal of History. 2013. Vol. 38 (3). P. 273–295.
- Sverrir Jakobsson*. Terrorization of Power in the Icelandic Commonwealth // Statsutvikling i Skandinavia i middelalderen. Oslo: Dreyers Forlag, 2012. P. 101–118.
- Sverrir Jakobsson*. The Process of State-Formation in Medieval Iceland // Viator. 2009. № 40 (2). P. 151–170.
- Tilly Ch.* War Making and State Making as Organized Crime // Bringing the State Back In / Ed. by P. Evans, D. Rueschemeyer, Th. Skocpol. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 169–187.

- Trigger B.G.* Writing Systems: A Case Study in Cultural Evolution // The First Writing. Script Invention as History & Process / Ed. by S. D. Houston. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 39–68.
- Urton G.* Signs of the Inka Khipu. Binary Coding in the Andean Knotted-String Records. Austin: University of Texas Press, 2003. 202 p.
- Vliet E. Ch. L. van der.* Polis. The Problem of Statehood // Social Evolution & History. 2005. Vol. 4. № 2. P. 120–150.
- Vliet E. Ch. L. van der.* The Greek Polis, the Early State, and Evolution // Social Evolution & History. 2008. Vol. 7. № 1. P. 197–221.
- Williams H.* Reasons for Runes // The First Writing. Script Invention as History & Process / Ed. by S. D. Houston. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 262–273.
- Wittfogel K. A.* Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Haven; London: Yale University Press, 1957. 556 p.
- Yoffee N.* Myths of Archaic State. Evolution of the Earliest Cities, States, & Civilizations. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 277 p.

Информация об авторе

АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ ЩАВЕЛЕВ
Кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Отдела истории Византии и
Восточной Европы, Институт
всеобщей истории РАН

Российская Федерация, 119334,
Москва, Ленинский проспект, 32А
e-mail: alexissorel@gmail.com

Information about the author

ALEKSEI S. SHCHAVALEV
PhD, Cand.Sc. (Hist.), Senior
Researcher in the Department of
Byzantine and East European
History of the Institute of World
History of the Russian Academy of
Sciences

Russian Federation 119334,
Moscow, Leninsky Prospekt 32A
e-mail: alexissorel@gmail.com